

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7

СЕНТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОС.КВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Узбекистан.

(Путевые заметки.)

Дмитрий Стонов

Иски-Ташкент.

Генерал Черняев и хлынувшее за ним чиновничество опошлили новый Ташкент, Узбекская республика еще не успела его преобразить. Понастроены дома, «совсем как у нас», по широким улицам несутся старые, военного образца, кибитки с непременной припряжкой, на заловедных деревьях вырезаны сувениры — «Иван Кузин 1912 год», — пестрят аляповатые вывески, в будочках продают сельтерскую, на Джизакской спекулируют с Лубянки предлагает замечательное средство для уничтожения пятен, на курином базаре нищий тянет «Христос воскрес из мертвых», по утрам типичные чиновницы с корзинками выходят на базар. Редко пройдет узбек, еще реже — узбечка. Даже чайханá¹⁾ здесь какие-то ненастоящие, невазделанные.

Другое дело — Иски-Ташкент, старый город. Он все тот же, все такой же, каким был сто, двести, тысячу лет тому. «Европа» не смогла, не посмела его проглотить. Даже трамваи, точно почувствовав, что там, в старом городе, им нечего делать, останавливаются у порога Иски-Ташкента. С «Европой» покончено. Вы в средней Азии.

Восток не богат цветами, две краски преобладают в старом Ташкенте — желтая и синяя. Синяя — это небо. Такого неба нет у нас. Только увидев средне-азиатскую глубокую синюю бездну, вы начинаете понимать, что означает трафаретный образ — бездонное небо. Ни тучки. Ни пятнышка. Синяя даль, властная синяя даль. И солнце. Не наше, российское, которое то выгледит, то спрячется. Все небо, вся земля пропитаны солнцем, оно — повсюду, оно не знает своего места, из всей синей чаши струятся лучи, струится горячий сухой огонь. От этого солнца не спрячешься. В час ночи оно уже на месте и жжет, и жжет до пяти вечера.

Как живые, извиваются узкие улицы среди глиняных — без окон — стен. Здесь нет ни тротуаров, ни шоссе. Здесь царство глины: если она превращена в кирпичи, это — дома, заборы, если просто хорошо втоптана — улица, земля.

1) Чайные.

Ваша обувь и костюм сразу покрываются желтым налетом — Исхи-Ташкент не терпит других цветов. Только пестрые халаты узбеков пытаются бороться с этим законом и то не всегда успешно: что не покроет глиняная пыль, выжжет бесплощадное солнце.

Где начало улицы? где конец? Этого никто не скажет. Улица не знает прямых линий — жной змеей она называется, вот, кажется, у этого дома, где месят глину, конец ей. Нет. Узкой, в два аршина, щелью она тянется дальше, вы поворачиваете направо, налево, еще, еще — нет ей конца, как нет и начала. Где-то внизу урчит вода — кровь Узбекистана, она мутна, желта, мчит быстро, ровно шумит. Любовно, сознавая всю ценность воды в этой стране, спускаются узбеки к арькам¹⁾, ладонями черпают воду, пьют, смачивают груди, идут дальше.

Глина — вот местный материал. Она лежит повсюду, ее берут тут же, копают и месят возле будущей постройки. Из дорогого стоящего карагача делают только двери, а так как труд здесь ничего не стоит, то над дверью работают долго, часами и днями сидят над каждым верхком, пилят, выжигают, покрывают поверхность причудливыми восточными рисунками. Двери — это ценность, роскошь, гордость узбека. Когда дом рушится, узбек бережно вынимает дверь и вклеивает ее в новую постройку.

Еще до того, как нога ваша ступила на желтую землю Исхи-Ташкента, к вам долетает певучий гвалт, который разносится по городу. Кривые улицы переполнены шумом и гамом пестрой толпы. Здесь не говорят, не кричат. Здесь — поют. Поет продавец сыра, погромыхивает круглыми шариками, порывисто бросает сырок в рот, мычит, раскачивается, блаженство цветет на его лице — якин²⁾, якин! Поет торговец бузой, он стоит над громадной миской, черпает большой ложкой белую жидкость и обратно льет в сосуд — смотрите, мол, как хорошо, как чудесно льется буза! Губы его то открываются, то закрываются, он выбрасывает круглое певучее слово, он заливается, как соловей, и, только вслушавшись, вы разбираете это слово — муздек, муздек, муздек³⁾! Он бьет ложкой по плавающему в сосуде льду — нет, это не простая буза, смотрите, глядите, внимайте — вы можете разве в такую жару пройти мимо и не заметить его! Остановитесь — он добродушно, как добродушно это делают все узбеки, даст вам попробовать свою бузу, свой квас — не чудесен ли его товар? Поют странствующие дервиши, в высоких, из кожи, шапках — им сам Магомет велел петь, поют нищие — алла, — алла, алла, алла! — певуче орут дети — они бегут от торговца к торговцу, из дому в дом. У мечети, поджав под себя ноги, сидит азанчи⁴⁾, — он созывает молящихся, поет, причитает, кланяется и каждый раз, при каждом поклоне, захватывает в руку бороду — «нет бога, кроме бога, Магомет посланник его!». Певуче скрипят арбы, вертятся большие, в полтора человеческого роста, колеса, на арбе, иль верхом на лошади сидит узбек, ему нечего продавать, но петь —

1) Ручейкам.

2) Хорошо, хорошо.

3) Как лед.

4) Своего рода псаломщик.

петь он может. «На высоком берегу Дарьи в роскошном дворце жила красавица царевна Ширинкиз. Не знала царевна, кому отдать предпочтение — прекрасному Хорсою или могучему Фархату»... и дальше, все в том же роде. Плачут, но тоже как-то музыкально, верблюды, поднимают к небу худые безобразные головы на безобразных шеях и на что-то горько жалуются. Едет на ослике киргиз, колени его высоко подняты, он помахивает нагайкой и тоже поет. Все эти звуки сливаются в могучую восточную музыку, звуки тянутся из чайханá, из лавочек, дрожат над городом. В музыку влетается стук жестяняшков, тремит жезл, свистят в точильные ножи и косы. Якши, якши!

Где же женщина? И только подумал о ней, как совсем невольно дрожь пробегает по вашему телу. Быстрой походкой проходят странные, таинственные и жуткие существа. Они укутаны в серые халаты, халат покрывает всю фигуру, голову, руки. На лице висит густая, черная, из конского волоса, сетка — чачван. Женщина не ходит — бежит. Она жметя к глиняным стенам, стараясь поменьше напоминать о себе, на скорую руку покупает в лавочке нужные товары и дальше бежит, скорее, скорее. Халат развеивается, серые ленты сзади натягиваются, как вожжи, салюги в толстых глубоких калошах быстро мелькают. Мужчины уступают женщине дорогу — на улицу она попала случайно, ей надо скорее уйти. И если нищенке, чтоб собрать милостыню, нужно оставаться на улице, она, как подбитая ворона, забивается в угол и протянутую руку прикрывает тряпкой. Все тело женщины должно быть укрыто от взора мужчины. На улице женщине нечего делать, ей отведен внутренняя половина дома — ичкары.

В этом глиняном городе причуд живут легенды, предания, пригретая немимовверным солдцем голова способна к выдумке. Зайдите в чайханá, закажите зеленый бухарский чай — кок-чай — потяните чилим — необычайного размера трубку, из которой курят все, и слушайте. Здесь умеют ловко и красиво рассказывать, узорная фантазия создала особых людей — маддáх — занятие которых — рассказывать. Маддáх раскачивается, сидящие пьют горький, без сахара, кок-чай, дым из чилима плывет над всеми — и вот вы узнаете, что Искандер Зулкарнайн (Александр Македонский), возвращаясь из туземного царства, вышел из-под земли на Шейхантурском кладбище. На кладбище Искандер Зулкарнайн разлил несколько капель вечной живой воды, взятой им из подземного чудесного источника. На этом месте — на месте падения капель — выросли деревья саур. Если хотите — можете увидеть засохшие стволы деревьев. Они стоят до сих дней на кладбище, и они — священные. Вам расскажут, что в Бия-агачской части находится медресе Куколдаш — из высот ее сводов бросали вниз женщин, зашитых в мешок, ибо женщины эти нарушали верность своим мужьям. Пейте чай и слушайте — легенды и предания прыгают через тысячелетия, близятся к нашим дням. Вот легендарная жизнь Захриден-Магомет-Бабр. Это был известный революционер, он хотел повести всех мусульман к победе. Вот и Файзулла Хаджаев, «наш Ленин», который вел ожесточенную борьбу с эмиром Бухарским. Вам расска-

жут о русском офицере Осипове, который «не хотел нашего Ленина», но который вынужден был уступить под натиском освободительных войск. Стрина и современность, как нигде, сплелись здесь, они идут рядом, они по-прежнему мешают друг другу: существует народный суд, но существует и Шария. В мечетях и медресе находятся трудовые народные школы, в школах преподают на узбекском, но изучают и русский язык. В школах-медресе — висячие портреты «вашего» и «нашего» Ленина, и молодые ребята при мне подробно, точно помня все даты, говорили о Владимире Ильиче. Осторожно вертятся творят новую жизнь свои люди, на пестрых халатах узбеков алек флажки с портретом Ленина. Стрина и современность идут рядом, и уя можно встретить узбечку, которая не так тщательно прячет лицо свое руки. Три года находился в Иски-Ташкенте первый за все время существования Туркестана же н с и й институт; сейчас институт переведен в новый город. Институт открыт молодой Узбекской республикой, в нем обучают свыше 200 женщин — готовятся учительницы для аулов и кишлаков.

Плывут часы незаметно, тает день, золотится высокая трава на плоских глиняных крышах. Скоро наступят сумерки, когда нельзя будет отличить черную нитку от белой, и тогда еще больше наполнятся чайханя, соберутся музыканты, раздадутся звуки дутара, тамбура, сивизги, гиджак (чайнг¹). «Бис-илля ар-рахман ар-райм» — во имя бога милостивого, милосердного. Забыют в барабаны, коричневые лица начнут лосниться, черные глаза ярко загорятся — алла, алла, алла! Незнакомые откуда выплывут бачи² — подведенные глаза будут улыбаться по-женски, они раставят ноги, поднимут руки кверху — миг — и грешные мальчики-женщины пускаются в пляс. Длинные, обтянутые шелком, фигуры извиваются, каждая часть тела как бы отдельно движется под тонким халатом. И ярче блестят глаза у сидящих, они по-прежнему стараются степенно гладить бороды, но руки заметно дрожат. Вино заглушает сознание, музыка неустанно тянется, не устают бачи, кричатся, приседают, притоптывают ногами... Идет ночь, чудная кудесница и чудной земле.

Иски - Ташкент, май.

«Его зовут Ленин».

Среди непонятных, певучих, как восточная музыка, слов, одно, признаваемое одинаково на всех языках и наречиях, ставшее поистине интернациональным — Ленин.

В жгучих, бескрайних степях, в темно-зеленых, пахнущих спелым урюком, кишлаках, в чайханя, у стен высоких развалин, в мужских половинках-ташкари, — везде и повсюду вы слышите о великом Ленине. Арбакеши и дехане, уличные торговцы и продавцы прохладительных напитков, дервиши маддаа, дети и старики, — все, решительно все поют и рассказывают легенды, сказки, предания, песни о Ленине. Из уст в уста переходят рассказы, мечты

¹) Туземные музыкальные инструменты.

²) Мальчики-танцоры, находящиеся на содержании мужчин.

тельные узбеки переделывают текст и напев, передают другим, в другой кишлак, в другой аул. И вот — глядишь — легенда расцветает пышным цветом, блещит, как далекий снег на далеких синих горах. Народное творчество, окутанное сказочными тайнами фантастические теперь имена Александра Македонского и хромого Тамерлана, — народное творчество Узбекистана кузает в чудесный, многоцветный словесный шелк имя вождя советской страны, вождя просыпающегося Востока.

Прелестен популярный сказ о «четвертом миге счастья»¹⁾:

Было время, когда все люди — и желтые, и черные, и белые — жили счастливо. Никто не задумывался над судьбой своей, ибо все судьбы были одинаковы. Никто не спрашивал — почему жить хорошо, ибо не знал никто, что жизнь может быть плохо. В те времена жил на земле мудрый и ученый Хатто-Баш. Даже сам аллах побоялся Хатто-Баш: мудрец знал весь коран, в то время как аллах не твердо его знает и каждый четверг повторяет священную книгу... Однажды спал Хатто-Баш и, когда проснулся — увидел около себя записку и палочку. Ученый Хатто-Баш сразу же узнал прекрасный почерк: таинственную записку писал Исса — писарь аллаха. «В этой палочке, — стояло в записке, — счастье людей, она передается тебе, Хатто-Баш. Береги ее, мудрец: худо будет людям, если палочка попадет в руки сатане». Задумался над запиской Хатто-Баш, и пока думал — шайтан²⁾, увидевший палочку, украл ее и понес в горы. Громко закричал Хатто-Баш, но спал старый аллах, и, когда проснулся — было уже поздно. Шайтан унес палочку и завалил ее горами.

В этот первый миг — тысячелетие для всех смертных — Каин убил Авеля. В этот первый миг один из людей сказал: — Я сильнее всех вас и хочу быть царем. — И он стал царем. В этот первый миг — тысячелетие — полилась кровь. И увидел аллах, что произошло на земле, и ужаснулся аллах и заплакал. Сорок дней и сорок ночей длился плач аллаха, сорок дней и ночей лились аллаховы слезы на землю. Люди зовут этот плач аллаха — потопом.

За первым мигом настал второй. И второй миг был не менее страшен. Он длился 2000 лет. По земле прошел Хромой Тимур, по земле прошло много кровавых людей. И кровь человеческая поднялась к небу росой и осела на белые одежды аллаха. И белые одежды сделались красными, красными — от крови. И увидел аллах, что произошло на земле, и ужаснулся аллах и опомнился.

Тогда второй миг сменился третьим. В третий миг опомнился аллах. — Иди искать, — сказал аллах Хатто-Баш. Но Хатто-Башу был стар, великие людские горести убили старика. Он сказал: — Умираю я. Вот — умираю я, — сказал он. — А искать палочку я pošлю моего ученика. — Так сказал Хатто-Баш и умер. Ученик его пошел искать счастье. Звали ученика — Ленин. И в третий миг пошел Ленин искать счастья. Он свергнул насильников, и,

¹⁾ К сожалению, на русский язык переведено лишь самое незначительное количество песен и легенд. Делали это пока что корреспонденты средне-азиатских газет. Из корреспонденций и записей мы черпали основные мотивы передаваемых ниже легенд.

²⁾ Чорт.

когда на шестой части земли не стало ни хозяев, ни рабов, — Ленин исчез... Люди увидели, что исчез Ленин, и сказали — он умер. Но Ленин не умер. Он помнит завет Хатто-Баш и ищет, и ищет в горах людское счастье. Люди видят, что трясется земля и говорят — землетрясение. Нет. Это Ленин раскидывает горы, это Ленин ищет палочку, ищет счастье и правду.

Вот, когда он найдет палочку, тогда все люди — и желтые, и черные, и белые — будут жить счастливо. Никто не задумается над судьбой своей, ибо все судьбы будут одинаковы. Никто не будет спрашивать, почему жить хорошо, ибо не будет никто знать, что жизнь может быть плоха.

Четвертый миг счастья настанет тогда.

Песнь о Ленине:

В тот миг, когда Ленин родился от матери, он увидел людское горе и вздохнул. И земля услышала этот вздох, и люди узнали, что родился он — Ленин.

Когда в двадцатый раз глаза его увидели расцветающий урюк, он надел плащ — плащ нищего — и ходил от двери к двери. Он ходил от двери к двери и слышал людское горе. И загорелся он от людского горя ненавистью и любовью: он так же любил бедняков, как ненавидел врагов.

И встал Ленин на защиту бедняков и отдал беднякам свою душу. Так должен поступить каждый, кто хочет защищать бедняков. Если он не отдаст души — слова его будут ложны. И Ленин отдал душу. И слова его были справедливы. И от справедливости посохшее дерево дало плоды.

Из сердца Ленина вылетали искры... Эти искры были ярче, костра — ночью.

Ленин кровью сердца своего, любовью своею написал для нас указание прямого пути — Маслак-уль-Муттаньк.

От гор Каф и до гор Каф распространилась весть о его мудрости.

И под гнетом подвигів великих и пламенной любви стан Ленина согнулся, как буква «дал» (Ծ).

Песнь о смерти Ленина:

Соберите, люди, все лучшие и лучшие слова. И словами этими славьте в песнях великое имя Ленина. Хоть его смерть была, по цене, дороже, чем стоит вся земля и находящиеся на ней, — мы перестанем плакать. Пусть огонь любви высушит наши глаза, ибо было слез слишком много. Слезами можно было затопить кияшлак. Плакали пески и пустыни. И небо истекало слезами.

Тело Ленина лежит под грузным камнем. Но тело Ленина только до в котором он больше не живет.

К подножию его могилы, как к черному камню в Мекке, будут ходить все люди.

Не каждый видел птицу Шунгар. Она совсем белая и сильнее орла. Ленин был шунгаром среди людей. Смерть из лука подстрелила его, и он умер. Что нам делать? Он покинул нас, он переселился в Арш. Что нам делать?

Соберите, люди, все лучшие и лучшие слова. И словами этими славьте в песнях великое имя Ленина. Пусть огонь любви высушит наши слезы, ибо было слез слишком много.

Легенда о Ленине:

Нельзя жить людям без счастья. И люди ищут счастье, они чувствуют, где оно, и идут к нему. Но путь лежит через холодные снежные горы, и это еще ничего — на пути к счастью — ок-илен — стрела-змея. Все злые силы приказали ок-илен — не пускай! — и она не пускает. Но людям нельзя жить без счастья. И вот люди выдумали лук. Люди вооружились луком и пошли искать счастье. Напрасно: стрелы лука не могут уязвить ок-илен, они ломаются, они только щекочут злую змею. Задумались люди и придумали щиты. Люди прикрылись щитами и двинулись к счастью, но и на этот раз ок-илен осталась непобедимой. Ок-илен прошибла щиты насквозь, и много похлыло человеческой крови. Тогда в отчаянии люди стали выдумывать все новые и новые орудия — нельзя людям жить без счастья — и род за родом, племя за племенем двинулись к счастью. Но ок-илен по-прежнему никого не пускала. Ок-илен все больше крепла, с каждой новой людской выдумкой она становилась все сильнее и сильнее. И не знали люди, что делать, и уже хотели люди остановиться на полпути. И тогда пришел человек. Он был одет, как декхан, у него были мозолистые руки, руки декхана, и в руках у него был хлеб. У человека не было никакого оружия, у него был только хлеб. И с одним хлебом он пошел на ок-илен. Человек приблизился к ок-илен, ок-илен приблизилась к человеку, и вот они остановились. Ок-илен собралась с силой и бросилась на человека. Человек не стал защищаться, он только протянул вперед мозолистые руки, в которых находился хлеб. Ок-илен прикоснулась к хлебу, ок-илен ударилась о хлеб и упала замертво. И дорога к счастью освободилась, и люди пошли за человеком — к счастью. Человек, который их повел и освободил их от ок-илен, был бедняк, но родился он от месяца и звезды и от них получил силу. Слушайте, слушайте, узбеки: его — человека, освободителя — зовут Ленин...

Ургут, май.

Б а й г а.

В Аман-Кутане я видел вечно старую и вечно новую, захватывающую до безумия, до потери сознания игру-спорт — байга.

В два часа ночи по московскому времени нас разбудили прямые, упрямые звуки карная¹⁾. Солнце, точно оно и не уходило, пекло, как днем. На

¹⁾ Туземный музыкальный инструмент, длинная труба.

дворе без умолка ворчали голуби — в Узбекистане они, как нигде, надоедают своим несносным писком и криком. Удлиненный — от халата — мальчик просунул в дверь голову, его черные глаза плутовски улыбались, он поставил узкогорлый медный кувшин с водой и, довольный и радостный, вкладывая в произносимое слово большой смысл, сказал:

— Байра!

Магическое это слово никакого впечатления на меня не произвело. Но мальчик был слишком взволнован, он не мог примириться с моим спокойствием. Он размахивал руками и ногами, падал на ковер, самого себя поднимал рукой, швырял свое тело в угол, лежал неподвижно, как вещь, опять вставал, одной рукой тащил себя в одну сторону, другой — в другую. Пот выступил на его лице. Я мучился вместе с ним: очень уж нехорошо, когда люди говорят на разных языках, не могут понять друг друга. Наконец, большое желание нашло исход и, выкопав на дне своей головы неизвестно когда услышанные русские слова, коверкая их, он произнес:

— Баронам будим рвать!!!

Кривые, местами лузатые, улицы кишели людьми. Трудно было до этого представить, что в желтом Аман-Кутане столько людей. Возможно — на торжество прибыли узбеки окрестных кишлаков и аулов. За узбеками, отставая от них на пять шагов, шли укутанные, завешанные узбечки. Большинство из них разрешалось только проводить мужей, жены должны были вернуться в свои женские половины — ичкары; у каждой за паранджой я чувствовал несказанное горе.

Улицы кишели людьми. Иные, подбоченясь, шли важно, нарочито-медленно, полы пестрых халатов раздувались, как паруса, головы библейски-гордо поворачивались на упругих шеях. Иные не могли, да и не хотели скрыть свое любопытство — это были бедные, декхане, у них не было халатов, они были одеты в ситцевые косоворотки и штаны. Иные сидели на ишаках, длинные ноги наездников чуть касались желтой земли, сандалии держались на кончиках пальцев, короткими заостренными палочками они часто погоняли животных, долбили холки ишаков. Иные приехали на торжество с женами — смешно было видеть, как сзади, за мужем, сцепившись, на несчастной спине ишака, на худом его заду сидели узбечки — по две, по три. Иные водили лошадей. Это были участники байги. На сытых текинцах отдыхал глаз, лошади были весело возбуждены, они, точно чувствуя предстоящее, грациозно, чуть касаясь земли, ставили ноги, позванивали удилами и, взмахивая головами, приглашали всех любоваться собой.

За Аман-Кутане шел бесконечный простор. Сюда стекался народ. Степь была пестра от людей, ишаков, верблюдов и лошадей. Звуки карная, продолжали раздаваться. Пронзительно кричали ишаки, плакали, от нечего делать, верблюды, ржали чудесные лошади, орали дети, горланили узбеки, шептались женщины. То тут, то там бронзовые наездники водили лошадей. Сейчас только я заметил, что узбекам, как, впрочем, и всем смертным, свойственно льстить сильным и красивым. И человек в халате, и человек без халата, и обладатель чалмы, и узбек, носящий только тюрбиту, — все как бы разни-

лись на группы. Каждая группа лстыла своему наезднику. Наездникам, видно, нравилось это, но истязание было впереди, и они молчали.

Но вот на карнае заиграли торжественно и строго. Глухое волнение пробежало по людским рядам. Без чьих-либо распоряжений толпа образовала громадный круг, создала живой ипподром. Наездники — их было пятнадцать — со своими лошадьми вышла на середину. Лошади прыдали ушами и, всхрапывая, бесточно прислушивались к последним трубным звукам. Тишина. Все и все замерли.

Моментально на круглой площадке появились трое. Они вели златокудрого, налитого салом барана. Баран упирался, ступал как-то особенно почтительно, медленно, переваливаясь с ноги на ногу. В середине площадки люди остановились. Один из них сел на барана, задрал ему голову. Шея барана натянулась, сделалась упругой. Сейчас, с невидимой доселе ловкостью, один из троих всадил острый клинок в баранью шею. Баран метнулся, бросился в сторону, но его цепко держали, и он, стоя на ногах, с недоумением следил за красной струей крови, которая лилась из его шеи.

Кровь еще больше возбудила толпу. Сотни и тысячи глоток испустили крик, выпиравшие из орбит глаза были устремлены в одну точку. Там быстро заканчивали работу. Один отрубал барану голову, другой, ловко орудуя ножом, сдирал теплую кожу, третий убирал остатки, стирал кровь. Вскоре вместо златокудрого барана на земле лежала баранья туша.

Сейчас сошлись полукругом стоявшие наездники. Они сняли яркие, шитые золотом и шелком тюбштейки и бросили в мешок. Мешок потрясли, посторонний, приглашенный из толпы узбек, засунул в мешок руку и вытащил одну тюбштейку.

Невероятное произошло с молчавшей доселе толпой. Все взбесились и начали поддразнивать наездников-жокеев. Сейчас присутствующие более явственно размежевались на группы. Каждая группа громко восхваляла достоинства своего любимца и высмеивала мнимые недостатки других наездников. Стоявшие ближе дергали наездников, незаметно били лошадей противников. Возбуждение росло, заражало других, передавалось жокеям. Тихо, потом все громче и громче начали переругиваться наездники. Их раздражала сейчас каждая мелочь. Шум и гам усиливали раздражение.

Обладатель вытянутой тюбштейки подошел к бараньей туше, поднял ее и, точно это был потник, положил на спину лошади. Лошадь вздрогнула и замерла, всадник с быстротой выстрела вскочил на лошадь. Баранья туша служила ему седлом. Ногами он крепко обнял корпус лошади. За первым на лошадах сели другие наездники. Опять заиграл карнай. Кто-то крикнул. Все замерли. Кричавший три раза ударил в ладони. Байга началась.

Наездник с бараньей тушей вздыбил лошадь, лошадь прыгнула, поднялась почти вертикально, наездник гикнул, нагнулся, прилип головой к шее лошади, — и они понеслись. За первым наездником сорвались с места другие. Круг был огромен, лошади мчались с невероятной, с бешеной быстротой. Наездники и их лошади казались живыми комочками. Вот, отделившись от массы, к первому комочку начал приближаться второй. С каждой секундой

расстояние между ними уменьшалось. Один нагонял другого с математической точностью. Заранее можно было сказать, что через пять секунд они поровняются. Так оно и было. Комочки шли рядом. Секунда. Еще одна секунда. Между наездниками началась борьба. Второй перегнулся к первому и, ухватив руками баранью тушу, начал вырывать ее из-под сиденья первого. Первый не давал. Тогда, не выпуская поводья, второй в один безумный миг очутился на лошади противника. Соперники двигались на спине лошади, как на качелях. Лошадь второго послушно неслась рядом. Через несколько секунд, через несколько томительных секунд, казавшихся часом, красное седло — туша — очутилась в руках наездников, переходила из рук в руки. То захватывал один, то оказывалась она у другого, который поспешно, в диком, в бешеном движении старался ее положить на лошадь, скрыть под собой. Туша переходила из рук в руки. Трудно было сказать, кто будет последним, победителем.

Но вот к двум комочкам приблизились трое. Пять наездников неслись на одной линии. Второй опять нагнулся к первому, припал к бараньей туше. Первый укрыл тушу своим телом, всей фигурой навалился на лошадь. Это была его ошибка. Третий ездок с другой стороны потянул барана, первый не рассчитал, нападение было, видно, для него неожиданно, он дрогнул и свалился с лошади. Лошадь две-три секунды неслась вперед, но, почувствовав, что ее хозяин отстал — остановилась. На время первый выбыл из строя.

Наездники двигались вперед. То тот, то другой отставал, то тот, то другой летел с лошади, неподвижно, как мертвец, лежал в пыли, потом опять поднимался, хромая или придерживая здоровой рукой ушибленную, ловил свою лошадь, карабкался и догонял противника. Густой, длинной вуалью тянулась за наездниками пыль.

Замершие было зрители взорвали тишину при первой же стычке. Каждый из присутствующих — а их было несколько тысяч — рвал глотку, хотел, чтобы его крик, его замечания, его мнение были услышаны всеми зрителями. Горячая кровь, изо дня в день подогреваемая горячим солнцем, сказывалась во всю. Так как зрителей было несколько тысяч и несколько тысяч было мнений, то, естественно, возникали споры. Каждый был прав. И каждый был неправ. У правого находились единомышленники, наконец — союзники по группе, по наезднику. У виноватого тоже были друзья, друзей тоже объединял наездник, который серым комочком несся сейчас по ристалищу. Вместе с языком чесались руки. В руках были нагайки, бычачьи жилы. Нередко нагайки и спирально свернутые жилы пускались в ход. Начиналась свалка. Более уравновешенные и спокойные разнимали дерущихся.

— Вот, вот они приближаются — кричали более спокойные. — Смотрите, смотрите, они приближаются к нам!

И действительно. Комочки росли, свист ветра, удары копыт доносились все явственнее и явственнее. Дерущиеся забывали о драке, злоба таяла. Зрители отступали. На них летели наездники. Лошади едва касались земли, видны были только руки наездников, только руки, которыми они боролись. Из шума все отчетливей выделялись храп, тяжелое дыхание животных и людей. Толпа замолкала только на секунду, чтоб с большей силой шуметь. Сейчас крики

относились к наездникам. Друзья ободряли своих кумиров, враги ругали, высмеивали, предсказывали им позорный проигрыш. У каждого был один друг и четырнадцать врагов, заклятых, на это время, врагов. Когда со свистом ветра, со стуком копыт, криком проносились наездники, каждый старался легким выстрелом нагайки, ударом в ладони, треском еловых жил подбодрить лошадь друга и больно ударить, да так, чтоб удар хоть на миг замедлил ход лошади врага. Но у лошади врага были свои друзья; наездники пронеслись в три секунды, — удары и ругань сыпались на зрителя.

Старики зорко следили за игрой. Они старались быть спокойны — им надо авторитетно заявить, кто победил в игре, им надо считать разы, количество проделанных кругов. Если наездник, отбиваясь, защищаясь, три полных круга провезет тушу — победа за ним.

Но победителем пока никто не был. Баран переходил из рук в руки. Наездники явно уставали. Все чаще спотыкались лошади. Некоторые жокеи, бросив удила и держась за гриву лошади, просто скакали, не принимали участия. Это, как я потом убедился, была своего рода хитрая стратегия. Пока что наездник и лошадь накаплили силу. Пятнадцать, двадцать, двадцать пять минут борьба шла с переменным успехом. Те, что боролись, явно уставали и неренчали.

Тогда за дело взялись отдыхавшие. Моментально лошади почувствовали стальные удила; как бешеные, понеслись они к дерущимся, и зрители почувствовали, что сейчас решится борьба.

Действительно. Мгновенно отдыхавшие поровнялись с борющимися. Сразу же стало ясно, что они отдохнули, что они накопили достаточно энергии, чтоб решить, наконец, борьбу. Моментально туша выскользнула из рук уставших. Сейчас борьба несколько затянулась — за обладание тушей боролись отдохнувшие. Туша опять стала переходить из рук в руки. Но это уже длилось сравнительно недолго. Баран очутился, наконец, в руках одного наездника. Налет. Еще один налет. К захвачанному мясу тянулось множество рук, но одна пара держала тушу цепко. Мгновение, еще одно мгновение — и баранья туша лежит на лошади, поездник навалился, прикрыл барана. По всем энергичным движениям жокея видно, что отдать барана он уже не намерен. Он навалился на тушу и лустил текинца во всю прыть. Его дергали, тянули с лошади, просто били — он превратился в прикованный к лошади, к барану, железный груз.

— Одиа, — прокричали старики.

— А-а-а... У-у-у... Ур... Дарсу!.. — ревели толпа.

Крик толпы «один» стариков еще раз — последний раз — напомнили наездникам, что игра близится к концу. Сейчас, когда начат второй круг, надо во что бы то ни стало вырвать тушу из цепких рук и начать игру с начала. Швырявшиеся кусками пены лошади вынуждены были скорее побежать. То тот, то другой перегибался к обладателю туши, то тому, то другому удавалось на короткое время перебраться на спину лошади противника. Но противник был прикован к туше и лошади. Одной рукой он, сохраняя спокойствие, защищался от наседавших жокеев. Он был творчески спокоен, в то

время как все прочие волновались, нервничали. Его лошадь чувствовала превосходство своего хозяина над всеми остальными и продолжала плыть по ипподрому.

— Два! — крикнули старики.

Зрители взбесились. Начался третий — последний — круг. Совершенно забыв, что в этом шуме, хаосе, волнении их голоса не могут быть услышаны, зрители напоминали наездникам о конце, кой-как их ободряли, но в ободрении этом ясно проскальзывали нотки бешеного недовольства. Другие, наоборот, замирали от блаженства, дико, не сознавая что делают, подпрыгивали, орали, в исступлении били себя в грудь. Кой-где дрались. Кой-где задавленный кричал, тешно взывал о помощи — никто не мог его сейчас услышать.

Наездники сходили с ума. Их лошади, чувствуя предстоящий позор, в последний момент готовы были отдать все свои силы. Дергающиеся от нервного напряжения руки жокеев тянулись к лобездающему. Все чаще пальцы просто впивались в тело обладателя барана, все чаще противники ругали и проклинали бравого наездника. Порой обезумевший мозг начал понимать, что секунды сосчитаны, что вместо мелких наскоков надо дать генеральный бой. Но силы изменяли. Вот все больше и больше вырастают старики. Многие наездники отстали, некоторые карабкаются в пыли, их лошади, суживая круг мчатся, точно на цирковом манеже. Секунда. Еще одна секунда. Зрители замирают.

— Три, — кричат старики.

Все кончено. Натянутые нервы развинчиваются. Еще одно доказательство человеческой неверности и вероломности: проигравших наездников все — и друзья, и враги — высмеивают, оскорбляют, толкают. Победителя ведут к самому почетному месту. Его окружает преданная ему в этот момент толпа, его уверяют, что все, решительно все были убеждены в его победе.

Байга кончилась.

Амак-Кутая, июнь